

Нельзя считать завершенным и исследование о вятских статьях и редакторской работе Герцена в целом, хотя сделано много: досконально изучены «Прибавления к „Вятским губернским ведомостям“» за многие годы, тщательно изучены вятские архивы. Вряд ли здесь можно ожидать что-либо новое.

Не исключены, однако, находки герценовских материалов в других городах, других архивах. И здесь наше внимание привлекает личность Андрея Ефимовича Скворцова, учителя вятской гимназии, с которым Герцен был очень близок в годы ссылки. Он писал Н. А. Захарьиной 23 ноября 1836 г.: «Несколько слов о Скворцове. От природы очень умный человек, он прозябал в провинциальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на материальные требования. Я бросил мысль и чувство в его душу — и она ответила. Я воротил его к ученым занятиям, и он как бы из благодарности привязался всем сердцем ко мне, влюбился в меня» (т. XXI, с. 120). О каких «ученых занятиях» пишет Герцен? Из других источников известно, что А. Е. Скворцов написал «Историческое и географическое описание Вятской губернии», представленное им в Казанский университет.³⁴ Рукопись этой работы Скворцова не найдена, судьба ее неизвестна. Не могут ли поиски работы Скворцова в какой-то степени пролить свет и на судьбу вятских рукописей Герцена?

Е. А. ЛУЦКЕ И

**ПРОЕКТ ЗАКОНА О ЗЕМЛЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ
(1917—1918 гг.)**

За последние десятилетия советская историческая наука значительно усилила работу по изучению истории непролетарских политических партий. Успешно разрабатывается, в частности, история партии эсеров, история ее возникновения, деятельности и крушения после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с этим приобретает большое значение источниковедческий анализ важнейших документов этой партии. В настоящей статье предпринимается попытка источниковедческого анализа проекта «Основного закона о земле», подготовленного партией эсеров для Всероссийского учредительного собрания, собравшегося 5 января 1918 г.¹

Прежде чем перейти к рассмотрению подготовки эсерами названного проекта, необходимо хотя бы кратко сказать об аграрной

³⁴ Там же, с. 47.

¹ Все даты в статье даны по старому стилю.

политике партии эсеров накануне и во время победы Октябрьской революции и о положении с изучением названного документа.

После Февральской революции 1917 г. партия эсеров, войдя в соглашение с буржуазными партиями и став правительственной партией, выступила против передачи земли крестьянству и вела политику сохранения помещичьего землевладения. В. И. Ленин в статье «Новый обман крестьян партией эсеров» подвел итоги аграрной политики партии эсеров от февраля до октября 1917 г.² Раскрыв сущность последнего акта аграрной политики буржуазного правительства — законопроекта министра земледелия эсера С. Л. Маслова, В. И. Ленин писал, что этот проект «есть „помещичий“ проект, писанный для соглашения с помещиками, для спасения их».³ Свою политику соглашения с помещиками партия эсеров, как и другие буржуазные и мелкобуржуазные партии, старалась оправдать заявлениями о том, что аграрную реформу невозможно провести без решения Учредительного собрания. Поэтому изучение аграрной политики партии эсеров во время созыва Учредительного собрания, когда она подготовила проект «Основного закона о земле», имеет определенное значение в аграрной истории Великой Октябрьской социалистической революции и в истории партии эсеров.

Между тем вопрос о подготовке и содержании эсеровского законопроекта о земле для Учредительного собрания разработан в советской исторической литературе очень слабо. Достаточно сказать, что большая часть книг и статей по истории Учредительного собрания в России совсем обходит этот вопрос или кратко сообщает о том, что в конце заседания собрание перешло к слушанию проекта закона о земле и, не закончив слушания текста, без обсуждения приняло его общие положения. Даже в обстоятельном исследовании, осуществленном О. Н. Знаменским, изучившим многочисленные источники, в том числе неопубликованные архивные документы, сообщается лишь о создании комиссии фракции эсеров для подготовки земельного законопроекта и о прочтении начала его на заседании контрреволюционной части Учредительного собрания.⁴ Наиболее подробно в советской литературе проект закона о земле, подготовленный для Учредительного собрания фракцией эсеров, рассмотрен в труде И. И. Минца «История Великого Октября»,⁵ но и его изложение нуждается в уточнении и дополнении. О земельном законе Учредительного собрания не мало напечатано в белоэмигрантской и современной буржуазной литературе, но советские историки еще не подвергли должной

² См.: Луцкий Е. А. Статья В. И. Ленина «Новый обман крестьян партией эсеров». — Вспомогат. истор. дисциплины, III. Л., 1970, с. 47—72.

³ Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 34, с. 432.

⁴ Знаменский О. Н. Всероссийское учредительное собрание. Л., 1976, с. 322, 345.

⁵ Минец И. И. История Великого Октября, т. 3. 2-е изд. М., 1979, с. 844—854.

критике эту литературу.⁶ Существенным недостатком освещения данного вопроса в советской литературе было представление аграрной политики правоцентристской партии эсеров во время созыва Учредительного собрания как политики, продолжавшей без изменения линию октябрьского законопроекта Маслова. Так же ранее понимал эсеровский проект закона о земле для Учредительного собрания и автор настоящей статьи, когда писал, что этот проект был «пронизан старой, дооктябрьской установкой эсеров на соглашение с помещиками».⁷ Подобные взгляды высказываются историками и поныне. Так, в книге В. Н. Гинева не анализируется социально-экономическая и классовая сущность эсеровского проекта закона о земле Учредительного собрания и не раскрывается, что же в нем, кроме словесных обещаний, было объективно нового по сравнению с предоктябрьскими проектами, разработанными в Главном земельном комитете.⁸

Советские историки не сумели раскрыть закономерности изменения аграрной политики правых эсеров и эсеров центристов в зависимости от классовых интересов их социальной базы — кулачества — во время развития аграрной революции после победы Октября. Для преодоления указанного недостатка большое методологическое значение имеет вывод, сделанный на основе обобщения высказываний В. И. Ленина, в многотомной «Истории КПСС»: «Диалектика аграрного переворота в России была такова, что вопрос о судьбе крупного землевладения вызвал раскол в самом классе капиталистов. Буржуазия города выступала плечом к плечу с помещиками. В то же время сельская часть класса буржуазии — кулачество — активно содействовала аграрному перевороту, который она рассчитывала использовать в своих эгоистических, собственнических целях».⁹

Сельская буржуазия активно выступила против класса помещиков, когда увидела его гибель. В то же время она боролась против Советской власти, чтобы вернуть страну на путь капиталистической эволюции. Хотя некоторые советские историки отрицают противоречия внутри русской буржуазии по данному вопросу, по нашему мнению, советским историкам нужно изучить, как в связи с такой расстановкой сил русской буржуазии развивалась аграрная политика эсеров — правых и центра. Для этого следует внимательно проанализировать источники, недостаточно изучавшиеся ранее, прежде всего эсеровский проект закона о земле,

⁶ См. подробнее: Чернобаева Т. П. Вопрос о роспуске Учредительного собрания в буржуазной англо-американской историографии. — В кн.: Большевики в борьбе за победу пролетарской революции. М., 1974. с. 223—239.

⁷ Луцкий Е. А. Закон о социализации земли. — Вопросы истории. 1948. № 10, с. 24.

⁸ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977, с. 244—242.

⁹ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 2. М., 1968, с. 20.

сравнив различные его редакции, появившиеся на разных этапах его подготовки.¹⁰

В борьбе против социалистической революции, установившей диктатуру пролетариата, партия эсеров выступала в едином фронте буржуазных и большей части мелкобуржуазных партий, возглавлявшимся партией кадетов. В аграрном вопросе правые эсеры и эсеры центра боролись против советского декрета о земле. События последних месяцев 1917 г. показали неудачу этой политики. В стране происходили развитие социалистической революции и упрочение Советской власти. В деревне все больше входил в жизнь декрет о земле. По нашим подсчетам, за октябрь—декабрь 1917 г. было конфисковано 54.9% помещичьих имений из общего числа конфискованных имений до 1 июня 1918 г., по которым установлены даты конфискации.

В движении против помещиков наиболее активно участвовало беднейшее крестьянство во главе с городскими и сельскими рабочими, к ним присоединилось и среднее крестьянство. Партия большевиков и Советское правительство, осуществляя аграрные преобразования Октябрьской революции, с самого начала учитывали классовое расслоение среди крестьянства. Советская власть проводила в деревне политику, изложенную В. И. Лениным 4 ноября 1917 г.: «Что касается крестьян, то мы говорим: трудовому крестьянину надо помочь, среднего не обидеть, богатого принудить».¹¹ Дальновидные представители сельской буржуазии поняли, что сохранить свои экономические позиции и влияние в деревне они могут, только разорвав соглашение с помещиками и отдав землю и инвентарь помещиков беднейшим и малоземельным крестьянам, тогда можно будет даже рассчитывать усилить свое хозяйство за счет помещиков. В процессе конфискации помещичьих имений в зимние месяцы стремление кулаков получить в свою пользу средства производства имений приняло такие размеры, что В. И. Ленин считал необходимым обратить на это особое внимание партии. В речи перед агитаторами, отправляемыми в провинцию, 23 января 1918 г. он говорил: «Мы не для того отняли землю у помещиков, чтобы она досталась богатым и кулакам, а бедноте». Далее он указал, что «необходимо позаботиться и о том, чтобы земледельческие орудия и машины не были в руках кулаков и богатеев. Они должны принадлежать Советской власти и временно отданы на пользование трудящимся массам, через волостные комитеты».¹² Классовые интересы сельской буржуазии должны были найти и нашли отражение в аграрной политике партии эсеров.

Антисоветская политика партии эсеров вела к потере влияния эсеров в Советах крестьянских депутатов и в земельных комите-

¹⁰ Соболев П. Н. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977, с. 114—115.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 64.

¹² Там же, с. 326.

тах. Это наглядно показали всероссийские съезды крестьянских Советов: Чрезвычайный, состоявшийся 11—25 ноября, и Второй, заседавший с 26 ноября по 10 декабря 1917 г., на которых правые эсеры вместе с эсерами центра оказались в меньшинстве. Между эсерами усилилась борьба, особенно по вопросу об отношении к Советской власти и советскому декрету о земле, приведшая к расколу партии и образованию отдельной партии левых эсеров, оформившейся на своем всероссийском съезде, происходившем 19—28 ноября 1917 г. Как известно, левые эсеры голосовали за декрет о земле на Втором всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Вместе с большевиками они провели одобрение декрета на упомянутых крестьянских съездах. Правым эсерам с октябрьским законопроектом С. Л. Маслова, лишь расширившим возможность аренды помещичьей земли, угрожала полная изоляция. Такой проект не мог удовлетворить даже кулаков. Партия эсеров, в которой теперь, после ухода левых эсеров, на левом крыле оказалась группа Чернова, пришлось переходить к новой политике в аграрном вопросе. Переход к новой политике, проходивший в связи с подготовкой проекта закона о земле к Учредительному собранию, растянулся с конца ноября 1917 г. до начала января 1918 г. и осуществлялся в обстановке внутрипартийных разногласий по данному вопросу.

Законодательная подготовка основ аграрной реформы, решение о которой должно было принять Учредительное собрание, началась еще при Временном правительстве и велась в Главном земельном комитете и Лиге аграрных реформ.¹³ В этой работе принимали активное участие руководители и теоретики партии эсеров. Разработка проекта реформы велась медленно и не была закончена до Октябрьской революции, но показала достаточно, как эсеры делали одну уступку за другой энесам и кадетам, изменяя своей программе социализации земли. Работа над проектом аграрной реформы продолжалась в Главном земельном комитете и после Октябрьской революции. Влияние эсеров в нем все более усиливалось. Сюда перешел после освобождения из Петропавловской крепости бывший министр земледелия С. Л. Маслов, а затем, в конце ноября, после увольнения Советской властью из Министерства земледелия, когда аппарат министерства перешел в распоряжение Наркомзема, товарищи министра П. А. Вихляев и Н. И. Ракитников. Представители эсеров оставались на прежних идейно-теоретических и политических позициях. Эсеры предприняли попытку ввести в действие октябрьский законопроект С. Л. Маслова. 20 ноября 1917 г. Ракитников, использовав аппарат Министерства земледелия, разослал об этом циркуляр губерн-

¹³ См.: Першин П. Н. Аграрная революция в России. кн. I. М., 1966, с. 294—325; Фигуровская П. К. Банкротство «аграрной реформы» буржуазного Временного правительства. — Истор. записки, 1968, т. 81, с. 23—67; Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России..., с. 161—184.

ским и уездным земельным комитетам.¹⁴ В конце ноября на III съезде Лиги аграрных реформ, собравшемся в Москве, эсеры вместе с кадетами, при явно преобладающем влиянии последних, обсуждали проекты земельной реформы. По признанию участника съезда Н. П. Огановского, на съезде Лиги «хоронили народнический, в частности эсеровский, социализм . . . предвкусывая неизбежную в грядущем победу буржуазных начал и в строе аграрных отношений».¹⁵ Влияние кадетов сказалось в проекте земельного закона, разработанного для Учредительного собрания Масловым и принятого Главным земельным комитетом. Проект представлял сводку положений, выработанных в Главном земельном комитете. Он содержал положение о переходе земли и других природных богатств в общенародное достояние, но умалчивал об отчуждении земли без выкупа. Помещики сохраняли в своем пользовании землю в пределах двойной нормы и собственность на усадьбы, инвентарь и постройки в имениях. В проекте отсутствовали положения о равном праве граждан на землю, об отмене наемного труда в земледелии.

Как мы видим, работа эсеров над земельными законопроектами после Октябрьской революции, почти до конца ноября 1917 г., строилась на основе прежнего, дооктябрьского курса ЦК этой партии, рассчитанного на соглашение с буржуазными партиями и на сохранение помещичьего землепользования. Таков был первый этап подготовки эсерами земельного проекта для Учредительного собрания.

Начало новому направлению в аграрной политике партии эсеров и одновременно новому этапу в подготовке проекта для Учредительного собрания было положено в решениях IV съезда этой партии, заседавшего с 26 ноября по 5 декабря 1917 г. Съезд проходил в напряженной политической обстановке. К этому времени был раскрыт контрреволюционный заговор под руководством кадетов. 28 декабря Совнарком принял решение об аресте членов руководящих учреждений партии кадетов, как вождей гражданской войны. В правительственном сообщении, опубликованном 29 ноября 1917 г., Совнарком объявил кадетскую партию, как организацию контрреволюционного мятежа, партией врагов народа.¹⁶ С другой стороны, к этому времени стали известны результаты выборов в Учредительное собрание, проходившие в назначенное время, т. е. 12—14 ноября, по крайней мере в 46 округах (из образованных 81).¹⁷ Они показали, что за списки эсеров, в которых преобладали правые эсеры, голосовало — во всяком случае в аграр-

¹⁴ См. подробнее: Луцкий и Е. А. 1) Борьба вокруг декрета «О земле» (ноябрь—декабрь 1917 г.). — Вопросы истории, 1947, № 10, с. 3—33; 2) Поражение эсеров в аграрной революции 1917—1918 гг. — В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России, ч. II. М., 1977, с. 59.

¹⁵ Воля народа, 1917, 9 декабря.

¹⁶ Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 166.

¹⁷ Записки О. Н. Всероссийское учредительное собрание, с. 258.

ных районах — большинство избирателей.¹⁸ В такой обстановке руководители партии эсеров (хотя и не отрицали возможности коалиции с буржуазными партиями) рассчитывали вести более самостоятельную политику в борьбе против Советской власти. IV съезд эсеров определил политическую линию и тактику партии на ближайшее время. В резолюции съезда по текущему моменту основная задача партии была определена в лозунге — «Вся власть Учредительному собранию!». Резолюция призывала организацию партии принять все меры к тому, чтобы в случае необходимости вступить в бой с «преступным посягательством на верховную власть народа», т. е. Учредительным собранием.¹⁹ Более значительные изменения съезд внес в аграрную политику партии. Та же резолюция обязывала фракцию в Учредительном собрании вести «тактику активного и глубокого законодательства», особенно по вопросу о земле.²⁰ Докладчик по текущему моменту В. М. Чернов подчеркивал значение в решении аграрного вопроса эсеровской аграрной программы. Резолюция по аграрному вопросу указывала, что Учредительное собрание должно провозгласить законом начала, определенные эсеровской программой социализации земли. В резолюции по докладу Ракитникова о работе фракции эсеров в Учредительном собрании съезд поручил фракции создать особую комиссию для разработки земельного закона Учредительного собрания, в котором оно должно было объявить все земли общенародным достоянием и передать земли сельскохозяйственного значения в ведение и распоряжение земельных комитетов.²¹

Как уже отмечалось, одновременно с IV съездом эсеров шли заседания II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Несмотря на все усилия правых эсеров повести съезд за собой, большинство делегатов съезда поддержало Советскую власть. После обсуждения вопроса об Учредительном собрании, когда вторичным голосованием съезд отклонил правозесеровскую резолюцию, правые эсеры со своими сторонниками ушли со съезда. С 5 декабря они стали заседать отдельно, объявив себя «Всероссийским крестьянским съездом, стоящим на платформе Учредительного собрания». Этот антисоветский съезд объявил Совнарком «незаконным захватчиком власти» и избрал временный исполком, которому было поручено созвать для поддержки Учредительного собрания III Всероссийский крестьянский съезд. Обсуждение на этом съезде земельного вопроса проходило под руководством Чернова, старавшегося провести подготовку проекта земельного закона на основе решения IV съезда партии, восстановив таким образом у крестьян репутацию эсеровской программы социализации земли. Чернов выступил на съезде с докладом о «воз-

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 1—24.

¹⁹ Краткий отчет о работе IV съезда партии социалистов-революционеров. Пгр., 1918, с. 146.

²⁰ Там же.

²¹ Дело народа, 1917, 7 декабря.

зрениях социал-демократов большевиков на крестьянство и аграрный вопрос», в котором старался показать эти воззрения как «совершенно противоположные началам уравнилельно-трудоого землепользования».²² Заслушав доклад Вихляева об «основных началах земельного закона», съезд принял резолюцию по земельному вопросу с установлением в качестве «общих начал» отмены частной собственности на землю и уравнилельности землепользования. Резолюция указывала, что в общенародный уравнилельный земельный фонд «изъемяются из сельскохозяйственного пользования нынешних владельцев все земли, выходящие за границу трудовой нормы» (п. 5).²³ Заслуживает внимания пункт 6-й резолюции: «Все количество земли, остающееся в пользовании ее нынешних владельцев и превышающее общегражданскую правовую норму, облагается арендной платой в размере приносимого этой землей чистого земельного дохода».²⁴ Не останавливаясь на стиле изложения и теоретической стороне резолюции, укажем, что резолюция, несомненно, выражала интересы сельской буржуазии, выступавшей тогда за ликвидацию помещичьего землевладения при сохранении своего хозяйства. Пункты 5-й и 6-й резолюции отчетливо разграничивали интересы кулацкого хозяйства и интересы помещичьего и крупнокапиталистического земледельческого хозяйства. Требования же пунктами 1-м и 2-м уничтожения частной собственности на землю и уравнилельного землепользования должны были привлечь на сторону такого закона широкие массы крестьянства.

В соответствии с принципами программы социализации земли и решениями эсеровских съездов, партийного и крестьянского, Вихляев составил проект земельного закона для Учредительного собрания. Мы можем рассматривать его как определенный результат второго этапа подготовки эсерами проекта земельного закона для Учредительного собрания. Третий этап связан с работой эсеровской фракции Учредительного собрания и аграрной комиссии фракции.

Депутаты Учредительного собрания от партии эсеров начали прибывать в Петроград с мест вскоре после выборов. Вероятно, среди приехавших первыми многие были делегатами на IV съезд партии эсеров. Организация фракции эсеров — депутатов Учредительного собрания — происходила в дни работы съезда: в эсеровской печати первыми днями заседаний фракции назывались 27 и 28 ноября,²⁵ по сохранившимся черновикам протоколов фракции видно, что первое заседание происходило 28 ноября.²⁶ На нем были избраны председатель и секретарь фракции — В. В. Руднев и В. А. Колеров, на следующем заседании, 29 ноября, выбрано

²² Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов, 1917, 12 декабря.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Партийные известия, 1918, 5, стлб. 36.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 45, л. 1.

бюро, переизбиравшееся позже несколько раз. С первых дней работы во фракции обнаружилось разногласия, обострившиеся с приездом других членов фракции и увеличением численности фракции ко дню открытия Учредительного собрания почти до 244 человек. На первых сравнительно малолюдных заседаниях преобладали эсеры крайне правого направления. Бюро фракции в политическом отношении занимало более правую позицию, чем ЦК партии. То же можно сказать и об аграрной комиссии. Вопрос о составе комиссии обсуждался в бюро фракции 6 декабря, когда по докладу А. Б. Эльяшевича было решено в комиссию под председательством члена президиума бюро фракции М. Я. Гендельмана включить не только членов фракции эсеров, но и представителей других партий, до кадетов включительно.²⁷ На следующий день (7 декабря) общее собрание фракции утвердило аграрную комиссию.²⁸

Аграрной комиссии прежде всего предстояло решить, какой проект взять за основу при подготовке земельного закона Учредительного собрания. Во фракции были предложения положить в основу закона проект, составленный эсерами в 1907 г. и внесенный во II Государственную думу за подписями 105 депутатов-трудовиков. Несомненно, это был проект более революционный и демократический, чем проект 104-х в I Думе.²⁹ Проект 105-ти был хорошо известен в крестьянских организациях в 1917 г. и, помимо программы социализации земли партии эсеров, более других документов нашел отражение в крестьянских наказах о земле. В распоряжении аграрной комиссии были также упоминавшиеся проекты, составленные специально для Учредительного собрания: проект Маслова и проект Вихляева. Последний в большей степени по сравнению с первым проводил начала эсеровской программы социализации земли. Состав комиссии был таков, что она выбрала самый умеренный, далекий от «социализации», но зато «наиболее деловой», по определению правого эсера Н. П. Огановского, проект Маслова.³⁰ Однако события тех дней не позволяли эсерам выйти на трибуну Учредительного собрания с таким проектом. 10 декабря II Всероссийский крестьянский съезд, успешно продолжавший работу без правых эсеров, принял резолюцию по аграрному вопросу. В ней говорилось, что «съезд приветствует отмену декретом Сов. нар. ком. частной собственности на землю».³¹ Резолюция заканчивалась следующим

²⁷ Там же, л. 119.

²⁸ Там же, л. 17.

²⁹ См.: Луцкий Е. А. Крестьянские наказания 1917 г. о земле. — В кн.: Источниковедение истории советского общества, вып. II. М., 1968, с. 122—123.

³⁰ Огановский Н. П. Дневник члена Учредительного собрания. — Голос минувшего, 1918, № 4—6, с. 145.

³¹ Резолюции Чрезвычайного и II Всероссийских съездов Советов крестьянских депутатов (ноябрь—декабрь 1917 г.). Пг., 1917, с. 12.

заявлением: «Крестьянский съезд твердо уверен, что Учредительное собрание, призванное осуществить вековые чаяния трудового народа, в первую очередь разработает и проведет в жизнь закон о социализации земли в духе резолюции I, Чрезвычайного и II Всероссийского съездов крестьянских депутатов и II съезда раб. депутатов».³²

Таким образом, съезд по существу требовал от Учредительного собрания издания закона, подтверждавшего советский декрет о земле. Это решение и все развитие событий требовали от партии и эсеров, как уже говорилось, изменения аграрной политики. Это заставило аграрную комиссию, а затем всю фракцию эсеров внести в проект Маслова важные изменения принципиального значения. Аграрная комиссия вынуждена была считаться с требованиями крестьянских резолюций и постановлений о решении аграрного вопроса «в духе программы партии с.-р., т. е. путем полного уничтожения частной собственности на землю и перехода ее в общенародное достояние (социализация земли) без всякого выкупа, хотя бы в замаскированной форме», как было сказано в той же резолюции крестьянского съезда.³³ Против этого не возражали и верхи крестьянства, рассчитывавшие, что отчуждение земли коснется только помещиков. Поэтому аграрная комиссия внесла в проект Маслова новую статью об отчуждении в народное достояние земель, недр, лесов и вод без выкупа (ст. 10).

К сожалению, нам не удалось найти протоколов заседаний аграрной комиссии и о разногласиях в ней; кроме различных текстов законопроектов, имеются только сообщения Огановского, к которым мы уже обращались. По его «Дневнику члена Учредительного собрания», вернее, по воспоминаниям, во фракции были три течения: «государственники», «ортодоксы» и «стихийники», как он их называет. К «государственникам» относились автор основного проекта — Маслов — и его сторонники, отстаивавшие интересы государства и проводившие «сочетание двух принципов: социальной справедливости и сохранение производительных сил страны». Как видно из двух законопроектов Маслова, второй «принцип» он хотел осуществить путем сохранения помещичьего крупного хозяйства. Для нас понятно, что «государственники» — это эсеры, возглавлявшие Министерство земледелия и Главный земельный комитет, сторонники соглашения с буржуазией и помещиками. Им пришлось уступить при обсуждении в комиссии вопроса о выкупе, но «удалось удержать комиссию от внесения в 1 п. утопического пункта равного права на землю».³⁴ Видимо, на последующих заседаниях проект Маслова был атакован «ортодоксами», т. е. сторонниками и теоретиками программы социализации земли, престиж которой пострадал от аграрной политики «государственников». «Ортодоксы» настояли на включении

³² Там же, с. 13.

³³ Там же, с. 12.

³⁴ Огановский и Н. П. Дневник..., с. 146.

в проект положения о праве всех граждан и гражданок на пользование землей (ст. 11). Им же принадлежит положение о том, что пользоваться землей может только тот, кто будет ее обрабатывать собственным трудом (ст. 12). По мнению Огановского, большинство в комиссии и во фракции принадлежало «стихийникам». «Ядро „стихийников“, — писал Огановский, — настоящие крестьяне, преимущественно от центральных, перенаселенных районов, где широкой волной уже во второй половине лета прокатились аграрные волнения».³⁵ Сообщения Огановского интересны для понимания разногласий внутри фракции эсеров по аграрному вопросу, но требуют поправок. Большинство во фракции у «стихийников» составилось не в начале ее работы, а позднее, с приездом в Петроград основной группы делегатов от аграрных губерний — в последние недели или дни перед открытием Учредительного собрания. Большинства же в аграрной комиссии пикогда не было, поскольку комиссия выбиралась в начале работы фракции, когда «стихийников» приехало еще мало. Во всяком случае текст проекта комиссии не содержит важнейших требований, выдвигавшихся «стихийниками», например об отчуждении у помещиков без выкупа инвентаря и др. Нуждается в поправке и общая характеристика течения «стихийников». Вполне возможно, что по внешнему облику это были «настоящие крестьяне», но из числа правых эсеров — активных работников партии эсеров в деревне или из кулаков и зажиточных крестьян. Такие «настоящие крестьяне», приехавшие из деревни, лучше понимали непреодолимость движения крестьян за конфискацию помещичьих имений с землей и инвентарем, чем «государственники» и «ортодоксы» из городской интеллигенции.

Законопроект аграрной комиссии, в основе которого лежал проект Маслова, предполагалось обсудить на IV сессии Главного земельного комитета. Но открытие сессии, назначенное на 16 декабря, было сорвано правозероветским и кадетским советом Главного земельного комитета, выступившего против участия в сессии представителей исполкома Советов крестьянских депутатов — большевиков и левых эсеров. 19 декабря Совнарком распустил контрреволюционный совет Главного земельного комитета.³⁶ Тогда правозероветские деятели совета провели 23 декабря нелегальное собрание, объявившее себя «IV сессией Главного земельного комитета», на котором среди других решений был принят проект закона о земле для Учредительного собрания.³⁷

Аграрная комиссия представила свой проект на рассмотрение фракции.³⁸ Можно было предположить заранее, что он вызовет

³⁵ Там же.

³⁶ Декреты Советской власти, т. I, с. 553.

³⁷ См.: Луцкий и Е. А. Ликвидация Главного земельного комитета. — Труды Моск. гос. истор.-архив. ин-та, 1957, т. IX, с. 26—28.

³⁸ См. полный текст проекта «Основного закона о земле» в редакции аграрной комиссии фракции эсеров в центральном органе партии эсеров —

бурное обсуждение, так как не удовлетворял в том или ином отношении все направления фракции, особенно «стихийников». Попытки сгладить разногласия до общего собрания фракции оказались неудачными, хотя обсуждение проекта откладывалось с одного собрания на другое, с 29 декабря на 30-е, затем на 31-е и состоялось лишь 2 января 1918 г.³⁹ Мы полагаем, что именно здесь, на собрании фракции, с особой силой прозвучали выступления, передававшие, как писал Огановский, «чернопередельческие тенденции — поравнять всех под одно — отобрать землю не только господскую, не только купчую, а и надельную свыше даже потребительной нормы, расхватать инвентарь и, конечно, даром, не платя ни гроша, ибо, дескать, все это добыто мужицким потом и кровью. И крестьянские депутаты-стихийники не слушали никаких резонов, ибо, говорили они, нам так наказывали крестьяне, посылая нас сюда, и от этих наказов мы отступить не можем».⁴⁰ Огановский верно отмечал, что в таких речах проявились интересы малоземельного крестьянства, лучше сказать, беднейшего крестьянства, но неверно передавал, что «стихийников» поддерживали только в части, направленной против помещиков, но не против кулаков, вроде передела надельных земель. Это ясно видно при сравнении проекта комиссии и проекта, принятого фракцией. Но и для этого потребовалась поддержка «ортодоксов». По словам Огановского, глава последних «мечтал „переплюнуть“ большевиков». Он, в передаче Огановского, отводил возражения «государственников» против введения в проект более радикальных предложений следующим доводом: «Если мы не вставим их в закон — вставят большевики и левые эсеры, за которыми и пойдут массы. Учредительное собрание сможет укрепить свое влияние и авторитет, лишь опираясь на массы».⁴¹

Обсуждение проекта аграрной комиссии на заседании фракции 2 января потребовало его переработки, но для составления нового текста проекта закона уже не оставалось времени. Поэтому изменения, имевшие принципиальный характер, были изложены не в тексте закона, а в приложенном к нему документе — «Мероприятия по проведению основного закона», принятом фракцией и размноженном на ротаторе к 5 января 1918 г., дню открытия Учредительного собрания.⁴² Как отмечалось, фракция не поддержала предложений, затрагивавших интересы кулаков, но внесла дополнения, направленные против помещиков, об отчуждении без выкупа усадебных построек, живого и мертвого инвентаря.⁴³

в газете «Дело народа» (28 декабря 1917 г., ст. 1—29; 3 января 1918 г., ст. 30—49).

³⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 45, л. 69, 78.

⁴⁰ Огановский Н. П. Дневник..., с. 146.

⁴¹ Там же, с. 147.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 46, л. 205—218; д. 49, л. 8—21.

⁴³ Проект Основного закона о земле, принятый фракцией соц.-рев. в Учредительном собрании. — Земля и труд, 1918, 13 января.

Проект «Основного закона о земле» был передан фракцией эсеров председателю Учредительного собрания с предложением представить проект на рассмотрение собрания, провести избрание земельной комиссии собрания с поручением ей представить в семидневный срок проект для принятия собранием.⁴⁴

На заседании Учредительного собрания в ночь на 6 января 1918 г. председатель В. М. Чернов прочитал только первую статью проекта закона о земле, когда его прервал начальник караула А. Г. Железняков, предложивший закончить заседание.⁴⁵ Чернов спешно, без обсуждения, открытым голосованием провел принятие нескольких законопроектов, среди них законопроекта о земле, вернее, его первого раздела «Общее положение», состоящего из 10 статей. Для первой публикации стенографического отчета заседания секретарь собрания эсеров М. В. Вишняк отредактировал конец отчета так, что получалось, будто Чернов огласил весь первый раздел проекта.⁴⁶ Через два дня «Дело народа» опубликовало эту часть проекта как «Закон о земле» Учредительного собрания. Полный же текст проекта закона о земле, принятого фракцией эсеров и внесенного ею в Учредительное собрание, с попой (по сравнению с публикацией «Дела народа») редакцией первой статьи опубликовала газета «Земля и труд» 13 января 1918 г. В «Деле народа» она была напечатана, как в ротаторной копии: «Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется». В газете «Земля и труд» первые два слова были напечатаны иначе: «Всякая собственность...». Возможно, новая редакция принадлежит земельной комиссии собрания, названной Черновым при принятии первого раздела закона. К сожалению, никаких материалов этой комиссии нами не найдено.

Рассмотрим теперь в целом содержание проекта и проанализируем устанавливаемые им правовые нормы, цитируя в нужных случаях соответствующие положения по тексту газеты «Земля и труд» от 13 января 1918 г.

«Проект основного закона о земле» включал 50 статей, входящих в шесть разделов, имеющих особые заглавия с литерной нумерацией. К «Проекту» приложены «Мероприятия по введению основного закона», в которые входила 31 статья. Статьи «Меро-

⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 49, л. 6.

⁴⁵ Всероссийское учредительное собрание. М.—Л., 1930, с. 110.

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 50, л. 128. — О недобросовестной редакции Вишняка свидетельствуют противоречащие сообщения других эсеров — участников заседания Учредительного собрания и того же Вишняка, см.: Святццкий Н. В. Большевики и Всероссийское учредительное собрание. — В кн.: Большевики у власти. М., 1918, с. 122; Сухомлин В. Всероссийское учредительное собрание. Нью-Йорк, 1919, с. 12; Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, с. 365. См. также: Знаменский О. Н. О стенограмме заседания Всероссийского учредительного собрания 5—6 января 1918. — Вспомогат. истор. дисциплины, II. Л., 1969, с. 70—90.

приятии» сгруппированы в пять озаглавленных разделов, не имеющих нумерации. Для рассмотрения содержания документов возьмем за основу положения «Проекта», дополняя или конкретизируя их положениями «Мероприятий».

В разделе «А. Общее положение» (статьи 1—10), как уже говорилось, объявлялось, что всякая собственность на землю отменяется (ст. 1) и все земли с недрами, лесами и водами «составляют народное достояние» (ст. 2), распоряжение землей и всеми естественными богатствами страны принадлежит органам государственной власти и органам местного самоуправления (статьи 3, 4), но какие это органы, какого государства, не указывалось, как не назывались и задачи этих органов в распоряжении землей, недрами, лесами и водами, если не считать неопределенных положений о развитии производительных сил и «справедливом распределении» естественных благ среди населения (ст. 5). Раздел заканчивался упоминанием ранее ст. 10 об отчуждении в народное достояние земель, недр, лесов и вод без выкупа.

Раздел «Б. Пользование землей» (статьи 11—29) открывался положениями о равном праве всех граждан и гражданок на пользование землей (ст. 11) при обработке земли сельскохозяйственного значения «собственным трудом» (ст. 12), причем отмечалось, что «применение в трудовом хозяйстве наемного труда допускается в исключительных случаях согласно особым правилам» (примечание к ст. 12). Для трудового землепользования устанавливались две нормы: «а) норма обеспечения (потребительная) — это количество земли, до которого при распределении земельных запасов должно быть доведено обеспечение земель малоземельных и безземельных хозяйств; б) норма предельная (трудовая) — это то количество земли, которое при обычных условиях обработки может быть обработано силами земледельческой семьи; эта норма является тем предельным количеством земли, которое может быть оставлено в сельскохозяйственном пользовании отдельных лиц и сосредоточено в одном земледельческом хозяйстве при земельном обороте» (ст. 19). Следует отметить, что важнейший вопрос о способах определения и применения данных норм в «Проекте» не назывался, указывалось лишь, что они «устанавливаются особыми правилами» (ст. 20). «Проект» провозглашал, что «пользование землей сельскохозяйственного назначения предоставляется на началах уравнительности» (ст. 21), но о том, какими путями достигается этот принцип землепользования, сказано только относительно уравнительности землепользования между земельными общинами, обществами и союзами (ст. 22), а об уравнительности же между отдельными землепользователями сказано лишь, что этим заведуют органы местного самоуправления, общины, общества и союзы (ст. 23).

Анализ «Мероприятий» дает возможность получить ответ на ряд вопросов, неясно изложенных в «Проекте». Посмотрим, как в них решались вопросы о судьбе помещичьего землевладения,

об обеспечении интересов кулацких хозяйств и интересов среднего и беднейшего крестьянства.

Как уже говорилось, согласно «Проекту», всякая собственность на землю, в том числе и помещичью, отменялась и помещичья земля отчуждалась без выкупа в народное достояние. Ст. 1 «Мероприятий», открывавшая раздел «Перераспределение земли», торжественно объявляла, что земли частновладельческие, казенные, бывшие удельные и кабинетские, церковные, монастырские и прочие подлежат перераспределению «для обеспечения малоземельного и безземельного населения». Следующие разделы — «Порядок обращения в народный земельный фонд частновладельческих земель» (статьи 5—11) и «Порядок обращения для трудового пользования земель, принадлежащих казне и разным учреждениям» (статьи 12—17), — были посвящены землям тех же категорий. Здесь обращает внимание положение о том, что бывшим владельцам «отводится в трудовое пользование... из состава их владения участок земли не свыше нормы» (ст. 5). Здесь, конечно, имелась в виду норма «предельная», имевшая в «Проекте» синоним «трудовая». Мы уже обращали внимание на то, что в рассматриваемых документах не указывались способы ее вычисления. Комиссия по подготовке земельной реформы, обсуждавшая вопрос о нормах накануне Октябрьской революции, не смогла прийти к единому мнению как по вопросу о способах исчисления, так и о примерных размерах трудовой нормы. Огановский считал, что в разных районах страны трудовая норма может быть определена в 50—120 десятин.⁴⁷ При различии представлений о трудовой норме почти все буржуазные и мелкобуржуазные теоретики в этом вопросе защищали интересы помещиков или кулаков. Положение о трудовой норме вошло и в советское аграрное законодательство, но здесь оно служило интересам беднейшего и среднего крестьянства, поэтому и размеры ее определялись иначе.⁴⁸ Здесь же находилась ст. 10 об отчуждении у помещиков усадебных построек и инвентаря. Ввиду большого значения этой статьи для понимания нового направления в аграрной политике эсеров приведем ее целиком.

«Усадебные постройки отчуждаемых бывших помещичьих земель, со всеми сооружениями, имеющими служебный земледельческий характер, а также живым и мертвым инвентарем, свыше нормы, обеспечивающей ведение трудового хозяйства, отчуждаются без выкупа и поступают в ведение и распоряжение органов земского самоуправления. Органы местного самоуправления используют их по своему усмотрению или для ведения общественных предприятий, или передают их в пользование трудовому крестьянству.

⁴⁷ Огановский Н. П. Земельный вопрос в Учредительном собрании. Пг., 1917, с. 14—15.

⁴⁸ См.: Луцки Е. А. Ленинский Декрет о земле. — В кн.: Ленинский Декрет о земле в действии. М., 1979, с. 38—41.

Примечание. Жилые постройки для обеспечения потребностей их бывших владельцев должны быть оставлены и в том случае, если они не пожелают вести хозяйство, но пожелают прожить в них.⁴⁹

Можно было бы остановиться на особенностях стиля приведенного текста (по сравнению с другими статьями того же документа и другими редакциями всего проекта), чтобы раскрыть влияние на создание текста проекта различных течений внутри фракции эсеров. Но важнее обратить внимание на противоречие в содержании данной статьи. С одной стороны, решительное, в сущности, наступление на позиции помещиков, с другой — стремление к соглашению (на новой основе) с ними и поддерживающими их буржуазными партиями. Последнее проявилось в ряде других статей «Проекта» и «Мероприятий». Согласно ст. 11 «Мероприятий», владельцам оставлялись имения с земельными участками «ниже установленной нормы отчуждения», а нормы эти могли быть довольно высокими. Там же ст. 8 предоставляла некоторым помещикам еще большие возможности. В ней говорилось, что «хозяйства племенные, семенные и с продажей посадочного материала, а также владения, носящие показательный по технике или по организации хозяйства характер, поступают в распоряжение государственных органов, которые ведут таковые непосредственно или на договорных началах передают отдельным лицам, товариществам или союзам». Ст. 8 не препятствовала помещикам — владельцам таких хозяйств — быть упомянутыми «отдельными лицами», а ст. 11 прямо называла «участки, оставленные у владельцев на основании ст. 8». Разумеется, такие хозяйства не могли вестись трудом семьи владельца и относились к тем «исключительным случаям», когда допускалось применение наемного труда, о которых говорилось в примечании к ст. 12 «Проекта». Но так или иначе помещики теряли право собственности на всю свою землю и часть других средств производства, а также на владение большей частью земли, причем нетрудно заметить, что больше всего теряли наиболее крупные землевладельцы, сдававшие землю в аренду.

Лучше всего обеспечивались интересы кулацкого хозяйства. Отмена собственности на землю и отчуждение земли, как правило, не вели к сокращению кулацкого землепользования, поскольку нормы отчуждения не превышали размеров большей части кулацких хозяйств. Кулацкое землевладение могло бы сильно пострадать при переделе всех земель, особенно крестьянских, в том числе наделных земель, как это произошло в действительности летом и осенью, а кое-где еще весной 1918 г. Но рассматриваемые «Мероприятия» хорошо ограждали кулаков от передела наделных земель. В ст. 2 говорилось, что «наделные земли и отдельные угодия могут быть допущены к перераспределению в обла-

⁴⁹ Земля и труд, 1918, 13 января.

стях с действующим общинно-передельным землепользованием лишь в тех случаях, когда малоземельные общины не могут быть обеспечены землей и отдельными угодьями до установленной нормы из запасов отчужденных земель нетрудового владения». Но и в таких случаях требовалось решение об этом большинством (не менее $\frac{2}{3}$) местного земледельческого населения данного района земельного устройства. Если учесть, что такие районы создавались решениями губернских и уездных органов (ст. 3), то нетрудно заключить, что проведение передела наделных земель зависело от органов государственной власти. Проведение же закона о земле Учредительного собрания было рассчитано на свержение Советской власти и отмену ее аграрного законодательства. «Отдельные лица, товарищества или союзы» из кулаков могли рассчитывать получить в первую очередь помещичьи хозяйства, названные в статьях 7 и 8, или инвентарь, отчужденный у помещиков по ст. 10. Наконец, кулаки, владевшие землей свыше предельных норм, норм отчуждения, могли сохранить их, используя все изъятия из общих правил, о которых говорилось применительно к помещикам.

Посмотрим теперь, что же реально, помимо декларативных заявлений «Общего положения» в «Проекте» и ст. 1 «Мероприятий», могли получить средние и беднейшие крестьяне. Обратимся к последнему разделу «Мероприятий» — «Распределение земельного фонда» (статьи 19—31). Характерно, что ни в одной статье раздела не упоминается трудовая норма, речь идет только о норме обеспечения, норме потребительной. Здесь ни слова нет о проведении распределения земли таким образом, чтобы осуществить уравнительное землепользование между крестьянскими хозяйствами внутри общины или земельного общества, молчаливо подразумевается, что неравенство между кулаками, владеющими землей по трудовой норме, и середняками и бедняками, владеющими землей по потребительной или менее чем по потребительной норме, останется и после «распределения». Вот общее правило распределения, установленное ст. 23: «Каждая земельная община и земельное общество получает отвод из земельного запаса в размере, пополняющем землепользование каждого члена общины до нормы обеспечения, установленной законом».

Авторы законопроекта понимали, что и эту задачу осуществить не удастся, поскольку в распределение не ступали только, и то не полностью, земли помещичьи, удельные, монастырские и т. п., а кулацкие оставались неприкосновенными. Ст. 27 должна была узаконить такой результат аграрной реформы. В ней говорилось, что население района с земельным запасом, «недостаточным для обеспечения населения по полной норме, получает земли в размере фактического запаса». Населению таких районов обещалась поддержка со стороны государства при переселении. Понимали авторы также, каким острым будет вопрос об инвентаре. Решить его они предполагали созданием кредита для выдачи ссуд на эти

цели получившим землю сельскохозяйственным рабочим и мало-земельным крестьянам «в случае их о том ходатайства и действительной надобности» (ст. 31). Таким образом, беднейшие и мало-земельные средние крестьяне могли получить в лучшем случае увеличение своего землепользования до потребительной нормы. Но в условиях разорения в результате империалистической войны, при крайнем недостатке живого и мертвого инвентаря беднейшее крестьянство не могло бы обработать полученную землю. Оно было бы осуждено на дальнейшее разорение и закабаление кулачеством.

Как известно, после роспуска Учредительного собрания партия эсеров предпринимала попытки возобновить заседания собрания и осуществить лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Предполагалось, что тогда будет и формально утвержден весь «Основной закон о земле», но, не дожидаясь такого официального утверждения, ЦК эсеров принимал меры для провозглашения этого документа действующим законом. Партии эсеров удалось созвать из своих сторонников так называемый «третий всероссийский крестьянский съезд», открывшийся в Петрограде 10 января 1918 г. Этот съезд не имел ничего общего с настоящим III Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, открывшимся 13 января и объединившимся с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, начавшим работу 10 января. Правозероветский «крестьянский» съезд был распущен органами Советской власти в день его открытия, но продолжал заседать нелегально. В резолюции съезда по земельному вопросу говорилось, что, «ознакомившись с основным законом о земле в целом, съезд считает этот закон отвечающим вековым чаяниям трудового крестьянства и предлагает выполнять его именно как закон». Съезд постановил «ознакомить все крестьянство с этим законом» и «предложить всем земельным комитетам руководствоваться этим законом при проведении в жизнь переходных мероприятий». ⁵⁰ Подобные резолюции были проведены правыми эсерами в некоторых местных крестьянских организациях, где они еще сохраняли свое влияние. При переделе земли весной 1918 г. ЦК эсеров, выражая интересы кулаков, старался ограничить передел временным разделом части помещичьих земель и не допустить передела крестьянских земель. ⁵¹ Там, где эсерам удалось свергнуть Советскую власть летом 1918 г. и образовать свои правительства, последние объявляли закон о земле Учредительного собрания основой своей аграрной политики. Но в действительности они часто отступали от него для соглашения с буржуазными партиями. ⁵²

⁵⁰ Воля страны, 1918, 17 января.

⁵¹ См.: Луцкий Е. А. Поражение эсеров в аграрной революции 1917—1918 гг. — В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922, ч. II, с. 62—63.

⁵² См.: Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970.

«Основной закон о земле» Учредительного собрания, если бы он получил осуществление, создавал наиболее благоприятные условия для развития кулацкого хозяйства. Он представлял собой план буржуазно-радикальной, но невыполнимой реформы. В исторических условиях России конца 1917—начала 1918 г. не было общественно-политических сил, которые могли бы провести такую реформу. Помещики, промышленная и финансовая буржуазия не поддерживали план уничтожения частной, тем более помещичьей собственности на землю. Широкие массы беднейшего и среднего крестьянства не поддержали Учредительное собрание и его земельный закон, поскольку он не обеспечивал передачи крестьянам полностью всех помещичьих, удельных, монастырских земель со всем инвентарем, срывал уравнительный передел всей, в том числе и кулацкой, земли, срывал в сущности то, что в аграрной программе крестьянства связывалось с «социализацией» земли. Не случайно, что в процессе подготовки изучаемого документа авторы отказались от этого термина. Пролетариат во главе с партией большевиков и в союзе с беднейшим крестьянством вел решительную борьбу за упрочение Советской власти и осуществление советских земельных законов, за развитие социалистической революции в городе и деревне. Сельская буржуазия во главе с партией эсеров не имела достаточно сил, чтобы провести желательную земельную реформу. Эсеровский план такой реформы, как и все планы действия «третьей силы», потерпел крушение.